

Бородинова Т.Г., кандидат юридических наук, доцент ♦
Демидов И.Ф., доктор юридических наук, профессор ♦

Обвинение и защита: проблема равных возможностей

Аннотация: Корреляции между категориями «обвинение» и «защита» образуют закон, суть которого в следующих равнозначных суждениях: обвинение предполагает защиту – защита возникает только с появлением обвинения – нет защиты, если нет обвинения.

Равенства возможностей обвинения и защиты в существующей системе досудебного производства не может быть по определению. Речь может идти лишь о некотором выравнивании уровней их противостояния путем наделения защиты дополнительными процессуальными правами.

Ключевые слова: стороны процесса; обвинение; защита; возможности; доказательство; следователь; обвиняемый; суд.

Понятия обвинения и защиты относятся к числу базовых, фиксирующих знания об основных свойствах и связях (закономерностях) уголовного процесса. В понятийном аппарате науки они имеют значение процессуальных категорий. В отличие от ординарных и узких понятий, отражающих не самые существенные стороны уголовного процесса, эти категории, являясь понятиями предельной общности, - первичны в рамках научной системы и невыводимы из иных ее понятий.

В науке выделяют пары диаметрально противоположных категорий, так называемые парные категории: «процессуальные права» и «процессуальные

♦**Бородинова Татьяна Геннадьевна** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия (Россия). E-mail: nc_rla@mail.ru

♦**Демидов Иван Феофанович** – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генпрокуратуре РФ, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Диссертационного Совета Российской академии правосудия по специальности 12.00.09 (Россия). E-mail: nc_rla@mail.ru

обязанности», «обвинение» и «защита», «независимость судей» и «подчинение их только закону» и т.д. Занимающие особое место в научном аппарате, данные категории образуют систему, отражающую различия между двумя крайностями одной и той же сущности (1, с. 243). В такой системе существование одной категории обязательно предполагает наличие другой.

Что касается пар иных противоположных процессуальных понятий, которые мы называем альтернативными, то они являются взаимоисключающими. К ним относятся, в частности, понятия «возбуждение уголовного дела» или «отказ в возбуждении уголовного дела», «обвинительный приговор» или «оправдательный приговор». Они фиксируют процессуальные решения, в основе которых лежат различные основания. Так, наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, влечет возбуждение уголовного дела, а отсутствие таких данных исключает производство предварительного расследования. Положительное решение вопроса о возбуждении уголовного дела является в то же время отрицательным ответом на другой вопрос - нет ли оснований для отказа в возбуждении дела. Между данными противоположностями имеется лишь логическое противоречие, то есть противоречие в нашем мышлении, которое допускает их существование в одно и то же время. В реальной действительности эти противоположности исключают одна другую, их одновременное существование невозможно.

Парные категории, в отличие от альтернативных понятий, всегда существуют как система двух взаимообусловленных категорий. В судопроизводстве по уголовным делам, где они имеют значение категорий права (компонентов правовой материи), между ними имеется горизонтальная связь. Это означает, что фиксируемые ими элементы судопроизводства (например, стороны обвинения и защиты) находятся на одном уровне в системе процессуальных отношений и обладают равными возможностями для реализации своих функций.

Внутренние, неразрывные связи между категориями «обвинение» и

«защита» образуют закон, суть которого можно выразить в следующих равнозначных суждениях: обвинение предполагает защиту; защита возникает только с появлением обвинения; нет защиты, если нет обвинения. Важнейшее методологическое положение заключается в том, что защита вырастает не из обвинения, а появляется в связи и одновременно с ним. В противном случае категорию защиты пришлось бы рассматривать производной от категории обвинения, то есть как понятие меньшего уровня, что применительно к производству по уголовному делу, осуществляемому в судебных стадиях (собственно судопроизводство), было бы принципиальной ошибкой. Обвинение и защита вырастают из единого основания, являются следствием различной интерпретации одних и тех же обстоятельств уголовного дела и имеющихся доказательств, что обуславливает противоположные позиции соответствующих участников судопроизводства, вследствие чего отношения между ними имеют характер противостояния и противодействия (2, с. 24-27). Обвинение стремится утвердить версию происшедшего, доказать несостоятельность позиции защиты, опровергнуть ее аргументы. Защита, со своей стороны, добивается исключения пунктов обвинения, как не получивших подтверждения, либо снятия обвинения в целом, как необоснованного. Не в последнюю очередь благодаря усилиям защиты, прокуроры вынуждены были отказаться от обвинения подсудимых во второй половине 2002 года по 2139 уголовным делам, в 2003 году - полностью по 1167 делам и частично, по наиболее тяжкому обвинению, - по 4000 дел.

Противодействие обвинению со стороны защиты, если при этом она избирает допустимые законом, а равно иные, не запрещенные им, средства и способы борьбы за интересы обвиняемого (подсудимого), не только правомерно, но также объективно закономерно. Закономерные связи между обвинением и защитой проявляют себя различным образом в зависимости от типа уголовного процесса. В процессе смешанного типа, построенного на принципе разделения властей, где досудебное производство осуществляется органами исполнительной власти, основной функцией которых является уголовное преследование, отношения между обвинением и защитой строятся по

вертикали, имеют характер субординации (власти и подчинения). В такой системе отношений защита оказывается «дозированной» со стороны обвинения и по существу производной от него. Органы уголовного преследования, осознавая свое значительное превосходство над защитой, постоянно сбиваются на путь необоснованных ограничений ее и без того мизерных возможностей противостоять их действиям и решениям.

В своем противодействии обвинению с его широкими полномочиями и мощным ресурсом власти защита не располагает возможностями, достаточными для того, чтобы воздействовать на обвинение с целью удержания от попыток использовать так называемый обвинительный уклон в качестве единственного и акцентированного метода расследования.

Орган уголовного преследования для получения обвинительных доказательств использует богатый арсенал следственных и иных процессуальных действий, обладающих значительным потенциалом принуждения (от психического до силового). Требования, поручения и запросы следователя, как представителя государственной власти, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Расширяет возможности уголовного преследования использование следователем результатов непроцессуальной оперативно-розыскной деятельности. Ходатайства следователя о совершении следственных и иных процессуальных действий, сопряженных с ограничениями конституционных прав и свобод обвиняемого и иных лиц, подлежат обязательному и оперативному рассмотрению судьей. Анализ ч. 2 ст. 29 УПК РФ показывает, что ресурс судебной власти используется только для целей уголовного преследования и собирания обвинительных доказательств (оправдательные доказательства, как правило, не прячут, а представляют следователю добровольно).

Избрание следователем меры пресечения с целью предупредить для обвиняемого возможность скрыться от следствия или суда, продолжать преступную деятельность, незаконным образом противодействовать

производству по уголовному делу, достигаемую посредством ограничения его права на свободу и личную неприкосновенность, заметно сокращает возможности обвиняемого защищаться от предъявленного обвинения, в особенности в случаях длительной изоляции от общества. При этом закон умалчивает, какие именно материалы, доказательства должен изучить судья, чтобы принять решение по заявленному ходатайству об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Этот пробел вынужден был восполнить Верховный Суд РФ, который обозначил практически исчерпывающий перечень процессуальных документов и иных доказательств, подлежащих приобщению к постановлению о возбуждении ходатайства об избрании обвиняемому (подозреваемому) в качестве меры пресечения заключения под стражу. Он же разъяснил судам, что в соответствии со ст. 45 Конституции РФ они не могут отказать данным участникам процесса, а также их защитникам в удовлетворении ходатайства об ознакомлении с названными материалами дела (5).

К изложенному следует добавить, что действия следователя не всегда адекватны с точки зрения необходимости серьезного вмешательства в права человека или безотлагательного их производства. Немалую часть потенциала государственного принуждения по уголовным делам составляет избыточное принуждение. Таким оно представляется, например, в случае производства обыска в жилище в ночное время и при отсутствии судебного решения под предлогом неотложности данного следственного действия, когда его вполне можно было произвести днем с соблюдением всех предусмотренных законом гарантий прав человека. К избыточному принуждению относится избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу, когда обстоятельства дела и личность обвиняемого вполне позволяли оставить его на свободе, например, под залог. Сюда же можно отнести производство так называемых переутомляющих допросов продолжительностью восемь часов или немногим менее того.

Применение избыточного принуждения может быть результатом

следственных ошибок, преднамеренного нарушения закона и т.д. Избыточное принуждение вследствие нарушения закона, являясь подчас способом подавления воли обвиняемого с неблагоприятной целью добиться его заданного поведения, получения признания им своей вины, представляет наибольшую опасность как для человека, его прав и свобод, так и для правосудия. Возможность такого принуждения заложена в самом уголовно-процессуальном законе, в результате отсутствия в нем надлежащих запретов. Так, УПК РФ не содержит ответа на вопрос, сколько раз можно допрашивать одно лицо об одном и том же и допустимы ли в принципе такие многократные допросы.

В завершение расследования следователь составляет обвинительное заключение, которое не только определяет пределы судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ), но, кроме того, является основой приговора или иного судебного решения. В случае, если обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ, что исключает для суда возможность постановления на его основе приговора (иного судебного решения), судья возвращает уголовное дело прокурору (п. 1 ч. 1 ст. 237). Обвинительное заключение, исходящее от органов несудебной власти, стало актом, предопределяющим постановление судом обвинительного приговора. Органы уголовного преследования получили дополнительные возможности реализовать через суды заданные им программы «борьбы с преступностью», в том числе с отдельными лицами, обвиняемыми в неординарных общественно опасных деяниях.

Копия обвинительного заключения хотя и вручается обвиняемому, а также его защитнику, если они ходатайствуют об этом (ч. 2 ст. 222 УПК РФ), однако ни тот, ни другой не наделен правом подавать на данное заключение возражения, в которых излагалось бы иное, противоположное концепции обвинения, видение проблемы причастности подсудимого к инкриминируемому деянию. Вместе с тем УПК РФ наделяет, в частности, осужденного, оправданного, их защитников правом приносить на кассационные жалобы или представление свои возражения в письменном виде (ч. 1 ст. 358).

Обвиняемому и его защитнику должно принадлежать также право подавать в суд возражения в качестве альтернативы обвинительному заключению (акту). Наиболее подходящим моментом заслушивания возражений на обвинительное заключение представляется начало судебного следствия, после изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения и обращения председательствующего к подсудимому с вопросом, желает ли он или его защитник выразить свое отношение к существу обвинения (ст. 273 УПК РФ).

Осознание следователем того факта, что защита может представить возражения на обвинительное заключение, подлежащие публичному оглашению в самом начале судебного следствия, объективно должно способствовать тому, что следователь будет более внимательным и ответственным при подведении итогов расследования и составлении обвинительного заключения. Что касается защиты, то она может стать более организованной, действовать по программе (в соответствии с возражениями) и быть не связанной репликами и оценочными суждениями обвинителя, сделанными экспромтом и под влиянием эмоций.

Суд по-прежнему, как представляется, - одно из звеньев в системе, так называемой, уголовной юстиции, включающей в себя также органы уголовного преследования, органы прокуратуры, структуры, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. В этой системе возможности суда дезавуировать в необходимых случаях заключение следственных органов и прокуратуры по уголовному делу еще более ограничены, в частности, в силу упразднения института возвращения дела для дополнительного расследования. Считая справедливым данное решение законодателя, в то же время полагаем необходимым наделить суд дополнительными полномочиями прекращать уголовное дело вследствие нарушений конституционных прав и свобод подсудимого, несоблюдения процедуры предварительного расследования (например, в случае производства следственных действий без участия защитника, когда его участие является обязательным, а также при обосновании

обвинения доказательствами, признанными судом недопустимыми, и т.д.). Включение данных и некоторых иных оснований в перечень тех, что влекут прекращение уголовного дела, должно способствовать повышению качества предварительного следствия, соблюдению прав и свобод личности в уголовном процессе, обеспечению законности при производстве по уголовному делу. Эти предложения соответствуют установлениям Конституции РФ о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2), а также о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50), и т.д.

Произведя рецепцию методологически верного положения УПК РСФСР (ч. 2 ст. 301), УПК РФ соответственно установил, что "приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании" (ч. 3 ст. 240), а следовательно, и на доказательствах, представленных стороной защиты (ч. 2 ст. 274). Однако данная норма полностью противоречит положению о том, что суд постановляет приговор на основе обвинительного заключения, то есть на обвинительных доказательствах. Просматривается стремление законодателя не допустить «произвола» суда по отношению к позиции силовых структур, выраженной в обвинительном заключении. Представляется, что это одна из главных причин, почему количество оправданных судами подсудимых в наше время, как и в прошлом, является весьма незначительным (в 2003 году оправдано лиц 1,2 процента; в первой половине 2004 года также 1,2 процента).

То, что обвиняемый может противопоставить обвинительной деятельности следователя (например, показания по предъявленному обвинению, представление доказательств, участие в следственных действиях), в действительности во многом является эфемерным, иллюзорным, не имеющим надежных гарантий. Более того, использование обвиняемым отдельных из принадлежащих ему прав в ряде случаев может обернуться против его законных интересов. Не может не вызывать недоумения, например, следующее положение из Кодекса: при согласии обвиняемого дать показания он должен

быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу (п. 3 ч. 4 ст. 47).

Больного предупреждают не о том, что прописанное ему лекарство - хорошее средство для лечения от болезни, а о недопустимости его передозировки, возможных побочных негативных последствиях применения и т.д. В уголовном процессе его непрофессиональные участники должны предупреждаться об их ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей, за совершение деяний преступного характера (например, заведомо ложный донос, заведомо ложные показания, разглашение данных предварительного расследования) и т.д. Обвиняемого же необходимо предупредить, что данные им показания могут быть использованы против него самого в качестве обвинительных доказательств. Это важнейшее правовое положение, служащее делу защиты обвиняемого от предъявленного обвинения, основанное на его презумпции невиновности, оказалось лишь в подтексте названной нормы Кодекса. Ее редакция провоцирует обвиняемого давать показания в надежде на то, что они будут проверены, найдут подтверждение и послужат защите от обвинения. В результате, будучи непроинформированным о всех возможных последствиях такого шага, обвиняемый дает показания, которые используются как изобличающие; таким образом он сам фактически лишает себя привилегии против самообвинения.

Такая же ситуация и с подозреваемым. Вместо того, чтобы разъяснить ему право хранить молчание и предупредить, что все сказанное им может быть обращено против него самого (ставшие общеизвестными правила Миранды, установленные Верховным судом США в 1996 году (3, с. 78-86), он, в случае согласия дать показания, предупреждается о возможном их использовании в качестве доказательств по уголовному делу (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). И еще раз Кодекс выбирает модель умолчания, не упоминая ни слова о том, какую опасность для подозреваемого могут представлять данные им показания.

Право обвиняемого представлять доказательства (п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) изначально ущербно и недостаточно. Оно не специфично для обвиняемого и

принадлежит всем иным участникам процесса со стороны обвинения и стороны защиты (ч. 2 ст. 86 УПК РФ). УПК РСФСР шел еще дальше и наделял таким правом любых других граждан, а также учреждения, предприятия и организации (ч. 2 ст. 70). Обвиняемый, в отличие от иных участников производства по уголовному делу, нуждается не только в праве представлять доказательства, но и в праве на то, чтобы эти доказательства были приобщены к материалам дела. Именно в этом заключается главная составляющая содержания его права собирать и представлять письменные документы и предметы «для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств» (ч. 2 ст. 86 УПК РФ). Данная формулировка не содержит четкого указания на то, что представленные обвиняемым документы и предметы подлежат обязательному приобщению к делу в качестве доказательств. И это не случайно. Вещественными доказательствами, например, признаются и приобщаются к материалам дела только те предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств дела (п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ). Вопрос, могут ли они иметь значение для установления обстоятельств дела, решает не обвиняемый (его защитник), представивший их в качестве оправдательных доказательств, а следователь. Прямое указание на этот счет содержится в ч. 1 ст. 84 УПК РФ: иные документы (кроме протоколов следственных действий и судебного заседания) допускаются в качестве доказательств, если содержащиеся в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Итак, только следователь решает, что является доказательством по уголовному делу, а что не отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам. По нашему мнению, в уголовном деле должны быть как доказательства, полученные следователем посредством следственных и иных процессуальных действий, так и то, что представлено обвиняемым и его защитником в качестве доказательств. Действенным право обвиняемого (его защитника) представлять доказательства может быть тогда, когда оно

дополняется обязанностью приобщения их к делу. Так как следователь свободен в оценке доказательств, в том числе представленных защитой, он может не признать их таковыми с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности и не включить в систему доказательств по делу. Но и в этом случае они должны оставаться в деле. Это необходимо для того, чтобы каждый раз на последующих стадиях производства по уголовному делу они могли быть предметом исследования теми субъектами обвинительной или судебной власти, в производстве которых находится дело, и иными участниками судопроизводства как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Все они также оценивают доказательства - свободно, по своему внутреннему убеждению, и поэтому нельзя исключить, что ранее представленное обвиняемым доказательство и отвергнутое следователем может быть востребовано как имеющее отношение к делу.

Согласно п. 10 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника. Однако в данной норме в действительности речь идет не о праве обвиняемого участвовать в производимых следователем действиях, а о праве ходатайствовать об этом. Удовлечить данное ходатайство или отказать в его удовлетворении - это полномочие следователя. Но если реализация права одного субъекта правоотношения может иметь место лишь по усмотрению другого, то это уже не право, а прошение. О том, что обвиняемый имеет определенное право, возможно говорить только тогда, когда этому праву соответствует обязанность другого субъекта процессуальных отношений (следователя, прокурора). Ограниченное, урезанное право обвиняемого на участие в следственных действиях не может рассматриваться как полноценное и реальное право.

По закону обвиняемый и его защитник вправе заявлять ходатайства об установлении только таких обстоятельств, которые имеют значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов обвиняемого (ч. 1 ст. 119 УПК РФ). Им не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве

судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ). Таким образом, следователь может оставить ходатайство обвиняемого, как и любую другую инициативу защиты, без удовлетворения, если найдет, что действие, о производстве которого заявлено ходатайство, не имеет значения для установления обстоятельств дела. Только следователь решает, какие обстоятельства имеют значение для дела. Это последнее положение вполне логично, так как именно он осуществляет предварительное следствие и несет за него ответственность. Но процессуальной самостоятельности следователя, с нашей точки зрения, не противоречит следующее решение рассматриваемой проблемы: прежде чем выносить суждение по вопросу о значимости для установления обстоятельств дела, например, допроса свидетеля, его необходимо сначала допросить, в том числе, возможно, с участием обвиняемого, заявившего соответствующее ходатайство.

Кроме того, необходимо иметь в виду следующее. Отклонение ходатайства обвиняемого не лишает его права вновь заявить данное ходатайство (ч. 2 ст. 120 УПК РФ). Но у обвиняемого нет гарантии, что и вновь заявленное ходатайство будет удовлетворено. Он, в отличие от следователя, не вправе обращаться в суд с ходатайствами. Право обвиняемого обращаться в суд с жалобами о незаконности уже совершенных действий и принятых решений следователем служит восстановлению его нарушенных прав и защите законных интересов. Этого права, однако, обвиняемому недостаточно для того, чтобы быть активным участником досудебного производства, противостоящим обвинению и влияющим на ход и результаты предварительного расследования. В случае отклонения следователем ходатайства обвиняемого обращение последнего в суд с жалобой неуместно и некорректно, так как следователь действовал не вопреки закону, а в соответствии с ним.

По нашему мнению, при оставлении следователем ходатайства обвиняемого без удовлетворения он вправе обратиться с соответствующим ходатайством в суд (об истребовании (выемке) необходимых документов;

повторном осмотре места происшествия; о производстве независимой экспертизы; об исключении полученного следователем с нарушением закона доказательства; производстве органом дознания розыскных мер для установления отдельных лиц, например, очевидцев происшествия; обязательном допросе лиц, присутствовавших при ночном обыске, произведенном без судебного на то решения, и т.д.).

Отсутствие у обвиняемого права обращаться с ходатайством в суд в то время, когда уголовное дело находится в производстве следователя, то есть невозможность использования данного значительного резерва защиты, свидетельствует о существенном неравенстве возможностей защиты и обвинения. Обращение обвиняемого с ходатайством в суд освобождает его от произвола следователя и прибавляет ему возможностей реально влиять на обвинительную власть. Судебная власть посредством осуществления судебного контроля должна служить не только интересам органов уголовного преследования, выдавая им разрешения на производство определенных законом следственных и иных действий, но также интересам защиты, признавая обоснованными ее ходатайства и обязывая следователя их удовлетворить. Вместе с тем решение данной проблемы представляется возможным только посредством образования дополнительной структуры судебной власти – «следственных судей», что предусматривается Концепцией судебной реформы. Эти судьи должны осуществлять судебный контроль, а также проверку по жалобам соответствия закону действий и решений органов уголовного преследования и быть свободными от рассмотрения уголовных дел по существу.

В связи с изложенным представляется возможным утверждать, что УПК РФ в части процессуальной регламентации досудебного производства по уголовному делу далеко не полностью отвечает стандартам, присущим правовому государству, основанному на уважении и защите прав и свобод человека и гражданина. Для данного этапа уголовного процесса, как отмечалось, характерны наличие у подозреваемого и обвиняемого весьма

ограниченных процессуальных прав, не имеющих к тому же надежных гарантий, по сравнению с широкими полномочиями следственных органов, использующих мощный потенциал принуждения в качестве основного метода осуществления функций раскрытия преступления и уголовного преследования и принимающих в одностороннем порядке все решения по уголовному делу нередко без учета позиции защиты, и, как следствие такого положения, - существование глубокой пропасти между обвинением и защитой по их возможностям реализовать соответствующие им функции (4, с. 73-77).

Вместе с тем необходимо признать, что равенства возможностей обвинения и защиты в существующей системе досудебного следствия не может быть по определению. Речь может идти лишь о некотором выравнивании уровней их противостояния путем наделения защиты дополнительными процессуальными правами (например, правом на обращение с ходатайством в суд), вполне уместными на досудебных стадиях уголовного процесса.

Только в суде, где отношения между противоборствующими сторонами обвинения и защиты имеют одноуровневый характер, они равноправны и действуют на основе состязательности.

Библиография

1. Васильев А.М. Правовые категории. М., 1976
2. Демидов И.Ф. К вопросу о категориях науки советского уголовного процесса // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства. М., 1984
3. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии). М., 1998
4. Михайловская И.Б. Новый УПК РФ: прощание с советским типом уголовного судопроизводства // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России. Материалы научной конференции. М., 2002. с. 71-79.
5. Пункты 4 и 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004

г. N 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Полагаем, что в таких случаях судам необходимо руководствоваться также ч. 2 ст. 24 Конституции РФ.